



DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-59-73>

Исследовательская статья  
УДК: 341.225  
Поступила в редакцию: 25.04.2025  
Принята к публикации: 27.10.2025

**Николай Викторович ВЕРЕМЕЕВ**

Meridian Capital (HK) Limited

18 этаж, Рыкадан Уан, Вонг Чук Ханг Роуд, 23, Гонконг, 999077, Китайская Народная Республика

[nv\\_veremeyev@mail.ru](mailto:nv_veremeyev@mail.ru)

ORCID: 0009-0001-3896-5364

# ПОЛИТИКА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОБЛАСТИ САНКЦИЙ, КОНТРМЕР И ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР

**ВВЕДЕНИЕ.** В статье проводится анализ политики и практики Гонконга в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер как производной от политики в этой сфере Китая, автономией которого Гонконг является. Хотя Гонконг как административно-территориальная единица Китайской Народной Республики (КНР) следует и должен следовать в фарватере общих принципов политики в указанной сфере Пекина – признание легитимными исключительно санкций Совета Безопасности (СБ) Организации Объединенных Наций (ООН), законность контрмер, принимаемых в ответ на делинквентные деяния других международных акторов и формальное и риторическое неприятие односторонних ограничительных мер, – Гонконг обладает определенной спецификой в этой сфере, обусловленной его особым статусом в конституционно-правовой системе Китая.

**МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** В исследовании использованы находящиеся в свободном доступе документы и материалы ООН, органов власти КНР, Законодательного собрания и органов исполнительной власти Гонконга, работы российских, гонконгских, китайских и западных специалистов в области санкций на трех языках (русском, английском и китайском), а также периодические издания, с целью

понимания особенностей политики Гонконга в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер. Автор настоящего исследования использует общенаучные и специальные методы познания.

**РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Ведомый внешнеполитическим курсом своего суверена – Китая, Гонконг обязан исполнять санкции СБ ООН, признанные и выполняемые КНР. В то же самое время вводимые КНР односторонние ограничительные меры и контрмеры (как официальные, так и неформальные) зачастую не являются обязательными для исполнения Гонконгом. Односторонние ограничительные меры стран Запада формально также не имеют юридической силы в Гонконге. Однако, как ни парадоксально, гонконгский бизнес, прежде всего банковский и финансовый, фактически исполняет такие односторонние ограничительные меры (в том числе меры, нацеленные на Гонконг), из-за боязни стать жертвой вторичных ограничительных мер Запада. Это позволяет говорить о сложившейся в Гонконге своеобразной подсистеме регулирования в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер, существующей, с одной стороны, в рамках системы основополагающих принципов Китая, а с другой стороны, обособленной от правил и норм КНР в этой сфере. Учитывая

склонность деловых кругов Гонконга придерживаться западных, в том числе антироссийских, односторонних ограничительных мер, для российских предпринимателей автономия будет оставаться достаточно сложным местом для ведения бизнеса.

**ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ.** Исследование показало особенности политики Гонконга в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер, позволяющие выделить ее в специальную подсистему политики КНР в указанной сфере. Автор работы пришел к следующим выводам. Во-первых, Гонконг обязан исполнять санкции СБ ООН на основании полученных от Министерства иностранных дел (МИД) КНР инструкций, но в соответствии с законодательством автономии. Во-вторых, Гонконг как несuverенная территория самостоятельно не принимает контрмеры и односторонние ограничительные меры против суверенных государств (принятие и применение таких мер входит в исключительную компетенцию центрального правительства КНР). В-третьих, принимаемые КНР законы против иностранных односторонних ограничительных мер и иные нормативные правовые акты не имеют юридической силы в Гонконге, если их действие Пекин не распространит на автономию в соответствии с предписанной Основным законом (миниконституцией) Гонконга процедурой. В-четвертых, вводимые Китаем контрмеры и односторонние ограничительные меры против третьих стран на основании его

законов и ведомственных нормативных правовых актов, а также неофициальные запреты, не имеют обязательной силы в Гонконге, за исключением случаев запрета на въезд в автономию конкретных лиц, являющихся объектами указанных мер. В-пятых, многие гонконгские компании с устоявшимися торгово-экономическими связями с западными контрагентами, и прежде всего работающие на территории САР местные, китайские и иностранные банки и иные финансовые организации, фактически исполняют односторонние ограничительные меры (причем даже меры, направленные против Гонконга) стран Запада, а центральный банк Гонконга даже наставляет функционирующие в автономии банки и финансовые институты соблюдать такие односторонние ограничительные меры государств Запада.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Гонконг, Китай, санкции, односторонние ограничительные меры, экстерриториальность, контрмеры, автономия

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Веремеев Н.В. 2025. Политика Китайской Народной Республики в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер. – Московский журнал международного права. № 4. С. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-59-73>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-59-73>

Research article  
UDC: 341.225  
Received 25 April 2025  
Approved 27 October 2025

**Nikolay V. VEREMEEV**

Meridian Capital (HK) Limited

18/F, Rykadan One, 23 Wong Chuk Hang Road, Hong Kong, People's Republic of China, 999077

[nv\\_veremeyev@mail.ru](mailto:nv_veremeyev@mail.ru)

ORCID: 0009-0001-3896-5364

## CHINA SANCTIONS, COUNTERMEASURES AND UNILATERAL RESTRICTIVE MEASURES POLICY

**INTRODUCTION.** *This article examines Hong Kong's sanctions, countermeasures and unilateral restrictions policy and practices existing within and determined by the China's approach in this sphere. Although Hong Kong, as a special (autonomous) administrative region of the People's Republic of China (PRC), should strictly abide by the basic tenets of PRC's policy – recognition of legitimacy of only United Nations Security Council's (UNSC) sanctions, legality of countermeasures introduced in response to delinquent acts of international actors and formal and rhetorical rejection of unilateral restrictive measures, – the autonomy has certain distinct characteristics in this area which reflects a special status of Hong Kong in the constitutional and political system of the PRC.*

**MATERIALS AND METHODS.** *The author used publicly available documents and materials of the United Nations, PRC's government bodies, Hong Kong's Legislative Council and executive bodies, academic sources of Russian, Hong Kong, Mainland Chinese and Western scholars and experts, as well as periodical publications, to examine how the sanctions, countermeasures and unilateral restrictions regime of Hong Kong works and what distinguishes Hong Kong's policy in this area from China's. For the purposes of this study the author employed general methods of scholarly research and special methods of legal research.*

**RESEARCH RESULTS.** *Led by the foreign policy imperatives of China, Hong Kong must adhere to UNSC sanctions recognized and implemented by the PRC. However, Hong Kong is not legally bound to comply with China's countermeasure and unilateral restrictive measures (official or informal). Likewise unilateral restrictive measures imposed by Western states have no legal force in Hong Kong. Yet, paradoxical it may sound, Hong Kong business community (linked with the West by numerous long-standing business ties), foremost banking and financial sector, do in fact by and large adhere to such unilateral restrictive measures because of fear of being targeted by Western secondary restrictive measures. Thus, Hong Kong constitutes a subsystem of rules, regulations and practices on implementation of sanctions, countermeasures and unilateral restrictive measures, on the one side, premised on the principles and rules of the PRC, and, on the other side, detached and distinguished from regulations and practices of China in this area. Considering Hong Kong business circles' keenness to comply with Western unilateral restrictive measures, including anti-Russian restrictive measures, and go even further by halting all transactions and relations with any person*

*having a nexus to jurisdictions heavily targeted by the Western unilateral restrictive measures, this autonomous region of China is and will continue to be quite a difficult place for Russian entrepreneurs to do business.*

**DISCUSSION AND CONCLUSIONS.** *This study demonstrated distinct features of the Hong Kong's regime of sanctions, countermeasures and unilateral restrictions which one may rightly classify as a special subsystem of China's regime. The author came to the following conclusions. First, Hong Kong shall implement UNSC sanctions in accordance with the instructions of the Ministry of Foreign Affairs of the PRC but on the basis of autonomy's own laws and regulations. Second, Hong Kong, as a non-sovereign entity, does not impose its own countermeasures or unilateral restrictive measures on sovereign states (institution of such measures falls squarely within the responsibility of the PRC central government). Third, anti-unilateral restrictive measures laws and regulations, enacted by the PRC, are not applied in Hong Kong unless they are added to Annex III to the Basic Law (mini-constitution) of Hong Kong. Fourth, countermeasures and unilateral restrictive measures instituted by China against third countries in compliance with her anti-unilateral restrictive measures laws and regulations, as well as unofficial bans, have no legal force in the autonomy, except prohibitions on entry of persons, targeted by China, to Hong Kong. Fifth, a large number of Hong Kong companies (foremost local, Mainland Chinese and foreign banks and financial institutions) with long-standing trade and economic connections with Western counterparts routinely comply with Western, mostly the United States, unilateral restrictive measures (including unilateral restrictive measures against Hong Kong) and the Hong Kong Monetary Authority (a de facto central bank of the autonomy) even makes it mandatory for the financial institutions, operating in the territory, to comply with Western unilateral restrictive measures.*

**KEYWORDS:** *Hong Kong; China; sanctions; unilateral restrictive measures; extraterritoriality; countermeasures; autonomy*

**FOR CITATION:** Veremeev N.V. China Sanctions, Countermeasures and Unilateral Restrictive Measures Policy. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-59-73>

*The author declares the absence of conflict of interest.*

## 1. Обзор санкционной политики Китая

Говоря о политике Специального административного района (САР) Гонконг КНР в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер<sup>1</sup>, мы неизбежно должны рассмотреть основные принципы и элементы политики в этой сфере сюзерена Гонконга – Китая.

Пекин во главу угла ставит согласованные решения СБ ООН в качестве единственного легитимного базиса для введения (после исчерпания всех мирных средств воздействия) пропорциональных сложившейся ситуации санкций (при условии их регулярного мониторинга и оценки их эффективности) против других государств, территорий и лиц, которые не должны использоваться как оправдание для дальнейших односторонних ограничительных мер отдельных стран или региональных международных организаций и для вмешательства во внутренние дела суверенных государств [Бакулина, Кузьмина 2021:27; Cai 2021:74; Poh 2021:125, 260-261; Rennemo 2021; Yu 2021:361, 362-363; Xing, Li

2023:380]. Более того, КНР скептически относится даже к санкциям СБ ООН, хотя и редко использует свое право вето в отношении резолюций СБ ООН о введении санкций, предпочитая воздерживаться при голосовании по таким резолюциям [Poh 2021:16]. Китай традиционно не применяет формальные «односторонние меры экономического принуждения для защиты международных норм, относящихся к нераспространению оружия массового поражения, международному суверенитету и самоопределению, правам человека или гуманитарной катастрофе» [Harrell, Rosenberg, Saravalle 2018:13], а его неформальные запреты/ограничения<sup>2</sup> являются достаточно лимитированными и используются прежде всего для того, чтобы дать сигнал внутри страны (для успокоения националистических настроений) и вовне, демонстрируя возможности и потенциальную силу ответных мер Китая на недружественные действия иностранных государств [Poh 2021:16, 32, 216, 264; Xing, Li 2023:381; Карасев 2025:495-497, 499-501]. Многолетняя риторика Китая против односторонних ограничительных мер и стремление отмежеваться от западного подхода к односторонним

<sup>1</sup> Использование терминов «санкции», «контрмеры» и «односторонние ограничительные меры» не является устоявшимся, что приводит к путанице и взаимозаменяемости указанных терминов. Как справедливо отмечает И.С. Пятибратов, «практика международных отношений демонстрирует, что осуществлением санкций [ООН]..., в конечном счете, занимаются конкретные государства, а не сама ООН. Это делает разницу [между санкциями и односторонними ограничительными мерами] незначительной с сущностной точки зрения, ведь результат для страны, подвергнутой ограничениям, получается тот же. С учетом этих факторов термины «ограничительные меры» и «санкции» в контексте анализа политических рисков разводить не имеет смысла, так как это скорее вопрос юридической корректности» [Пятибратов 2020:64]. Поэтому для юридической точности в настоящей статье мы будем использовать следующие определения нижеуказанных терминов.

1. Под «санкциями» понимаются принимаемые СБ ООН принудительные меры в соответствии с главой VII Устава ООН. См.: Крицкий К.В. *Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве*. Дис. ... канд. юр. наук. М. 2019. URL: [https://mgimo.ru/upload/diss/2019/krickiy-diss.pdf?utm\\_source=google.com.hk&utm\\_medium=organic&utm\\_campaign=google.com.hk&utm\\_referrer=google.com.hk](https://mgimo.ru/upload/diss/2019/krickiy-diss.pdf?utm_source=google.com.hk&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com.hk&utm_referrer=google.com.hk) (дата обращения: 18.10.2025). С. 22, 23-24, 32, 71; [Иванова 2016:185; Иванова 2018:128-129; Галиев 2019:240, 242; Касымалиева 2023:177]. Санкции СБ ООН реализуются в два этапа: а) СБ ООН принимает резолюцию о введении принудительных мер; б) государства принимают решения об имплементации резолюции СБ ООН. См.: Крицкий К.В. Указ. соч. С. 40.

2. Под «контрмерами» понимаются принудительные меры (не сопряженные с вооруженной силой), «принимаемые индивидуально потерпевшим государством к государству-делинквенту в ответ на противоправное деяние». См.: Крицкий К.В. Указ. соч. С. 24, 75-78; [Иванова 2018:129, 130]; [Галиев 2019:241, 242]; [Касымалиева 2023:176, 177-178].

3. Под «односторонними ограничительными мерами» понимаются решения одного государства или группы государств, которые носят преимущественно финансово-экономический характер и «направлены на защиту государственных интересов путем побуждения или принуждения другого государства к изменению политики». См.: Крицкий К.В. Указ. соч. С. 72, 79. Хотя такие односторонние ограничительные меры, безусловно, не запрещены международным правом, «при условии, что они не нарушают принципов *ius cogens* и не носят экстерриториального характера... [они] крайне вредны с точки зрения развития и укрепления международного права», размыают «основы международного права, в частности, строго ограничивающие правомерные основания применения принуждения в отношении суверенных государств». См.: Крицкий К.В. Указ. соч. С. 95-96; [Иванова 2018:129; Галиев 2019:240, 242; Чак 2022:32, 34; Касымалиева 2023:175-176, 177].

<sup>2</sup> Китай характеризует западные односторонние ограничительные меры как незаконные, в то время как собственные меры называет «контрмерами», поскольку вводит их в ответ на односторонние ограничительные меры или недружественные действия США и других стран Запада [Yu 2021:366, 369; Andresen 2024:9, 24-25].



ограничительным мерам<sup>3</sup> является определенным сдерживающим фактором для использования Пекином односторонних ограничительных мер в его внешней политике, поскольку для руководства КНР, которое щепетильно относится к поддержанию своего статуса, морального авторитета и репутации на мировой арене, важно оставаться последовательным противником западных методов в своих словах и действиях в глазах международной аудитории (особенного когда конкретная проблема приобретает значимый международный резонанс) [Poh 2021:18, 19, 44, 58, 59, 60, 76-77, 127, 182-183, 250, 251, 260, 268; Xing, Li 2023:382].

Впрочем, по мере увеличения вводимых Соединенными Штатами и Европейским союзом (ЕС) односторонних ограничительных мер против Китая (объектами которых также становятся высокопоставленные государственные деятели Гонконга, включая действующего главу администрации автономии Ли Цзячао (Джона Ли Качу, John Lee Ka-chiu)<sup>4</sup>) и других государств, но затрагивающих интересы Китая (вторичные ограничительные меры), а также недружественные действия отдельных государств в отношении КНР, последняя все чаще прибегает к использованию контрмер как формальных, так и негласных/неформальных.

Начиная с 2020 г. Пекин приступил к формализации политики применения контрмер.

19 сентября 2020 г. Министерство коммерции КНР издало приказ о введении в силу Положения о перечне ненадежных лиц (Положение о ПНЛ), утвержденного Государственным советом КНР<sup>5</sup>, с целью создания перечня иностранных компаний, организаций и физических лиц (и принятия против них контрмер в случае, если они не устранят «несоответствия» в течение

определенного срока), уличенных в деятельности, угрожающей национальному суверенитету, безопасности или интересам развития Китая; или нарушающие принципы нормальных деловых операций с китайскими компаниями или вводящие дискриминационные меры против китайских компаний (ст. 2 Положения о ПНЛ). Внесение в перечень чревато для иностранной компании применением к ней любой комбинации из нижеперечисленных мер: (а) запрет или ограничение на ведение экспортно-импортных операций, связанных с Китаем; (б) запрет или ограничение на инвестиции в Китай; (в) запрет или ограничение на въезд персонала таких компаний; (г) отмена рабочей визы или вида на жительство; (д) штраф; и (е) другие необходимые меры (ст. 10 Положения о ПНЛ).

9 января 2021 г. Министерство коммерции КНР опубликовало приказ о введении в силу одобренных Госсоветом КНР Мер противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и иных мер (Меры противодействия)<sup>6</sup>. В случае установления Министерством коммерции факта экстерриториального применения иностранным государством дискриминационного законодательства, оно должно издать запретительный приказ, не признающий соответствующее иностранное законодательство, его применение или исполнение китайскими физическими и юридическими лицами, которым, в свою очередь, предоставляется право обращаться в народные суды Китая с исками о компенсации: (а) за ущерб, нанесенный им контрагентами, исполняющими положения иностранного дискриминационного законодательства, блокированного запретительным приказом; или (б) извлечение выгоды третьей стороной из судебного решения или

<sup>3</sup> Если среди западных юристов-международников взгляды на природу и законность односторонних ограничительных мер широко разнятся, то официальная позиция правительств стран Запада практически однозначно рассматривает использование таких мер, безусловно, правомерной и допустимой, если, конечно, подобные меры не направлены против них самих, их граждан или юридических лиц.

<sup>4</sup> В настоящей статье китайские имена передаются в соответствии с нормами общекайского литературного произношения (путунхуа), в основе которого лежит пекинский диалект. В скобках дается написание имен гонконгских политиков, принятое в англоязычной литературе (соответствующее произношению этих имен на кантонском диалекте китайского языка, распространенного в южнокитайской провинции Гуандун и Гонконге), и русская транскрипция этих имен.

<sup>5</sup> Shangwu bu ling 2020 nian di 4 hao bu kekao shiti qingdan guiding (Постановление Министерства коммерции № 4 от 19 сентября 2020 г. «О Положении о перечне ненадежных лиц»). URL: [https://www.gov.cn/gongbao/content/2020/content\\_5565829.htm](https://www.gov.cn/gongbao/content/2020/content_5565829.htm) (дата обращения: 18.10.2025).

<sup>6</sup> Zhonghua renmin gongheguo shangwu bu ling zu duan waiguo falu yu cuoshi budang yuwai shiyong banfa (Меры противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и иных мер от 9 января 2021 г.). URL: [https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content\\_5593445.htm](https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5593445.htm) (дата обращения: 18.10.2025).

административного постановления, вынесенного в соответствии с иностранным законодательством, блокированным запретительным приказом (ст. 7 и 9 Мер противодействия). По мнению многих китайских юристов, Меры противодействия потенциально (вопреки заявленным целям) ставят китайских бизнесменов и дочерние компании иностранных инвесторов в Китае перед сложной двойной дилеммой: (1) выполнять ли вторичные ограничительные меры иностранных государств и нести административную ответственность за нарушение запретительных приказов или стать объектом иностранных ограничительных мер и потерять доступ к рынку соответствующего иностранного государства; и (2) как избежать столкновения частных экономических интересов конкретной китайской компании и национальных интересов КНР [Zhang 2021:788; Ma, Mao 2023:18, 25, 26, 27-28, 33-34, 35-36; Zhao 2024:218, 219; Zu 2024:189-190; Xiong 2025:194-195].

10 июня 2021 г. Постоянный Комитет (ПК) Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) принял Закон КНР о противодействии иностранным санкциям (Закон о контрсанкциях)<sup>7</sup>, который лишь заложил фундамент механизма по введению контрмер, не конкретизировав в достаточной степени положения по его реализации [Chen 2022:13; Chen, Wei 2023:60]. Статья 4 Закона о контрсанкциях предусматривает внесение в контрсанкционный перечень физических лиц и организаций, которые прямо или косвенно участвуют в разработке, принятии решений или исполнении дискриминационных ограничительных мер против граждан и организаций Китая и во вмешательстве во внутренние дела КНР. Включение в контрсанкционный перечень лиц на основании Закона о контрсанкциях влечет за собой введение одной или более из нижеперечисленных мер: (а) невыдача визы, отказ во въезде, отмена визы или

депортация; (б) изъятие или замораживание имущества в Китае; (в) запрет или ограничение на сделки и совместную деятельность с государственными организациями и частными лицами на территории Китая; и (г) другие необходимые меры.

Рассмотрев принципы политики КНР и ее основные нормативные правовые акты в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер, мы обратимся к особенностям политики в этой сфере одного из автономных образований Китая – Гонконга.

## 2. Гонконг: санкции, контрмеры и односторонние ограничительные меры

### 2.1. Особый статус Гонконга в политике КНР в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер

До восстановления Китаем всесторонней юрисдикции над Гонконгом 1 июля 1997 г. резолюции СБ ООН о введении санкций исполнялись территорией на основании указов в Тайном совете Великобритании, издаваемых от имени монарха и распространявших свою юридическую силу на тогдашнюю британскую колонию<sup>8</sup>.

Являясь автономией КНР, Гонконг обладает широкими правами на основе принципа «Одна страна – две системы»<sup>9</sup> и Основного закона (ОЗ) САР, принятого ВСНП 4 апреля 1990 г. и вступившего в силу 1 июля 1997 г. Основной закон наделяет Гонконг большой автономией во многих областях, в том числе в сфере внешних сношений (п. 3 ст. 13 и Глава VII (Внешние сношения) (External Affairs) ОЗ), за исключением вопросов внешней политики и обороны (п. 1 ст. 13 и п. 1 ст. 14 ОЗ). В отличие от социалистической правовой модели КНР, в Гонконге продолжает функционировать система общего права, унаследованная от бывшего колониального

<sup>7</sup> Zhonghua renmin gongheguo fan waiguo zhicai fa (Закон КНР о противодействии иностранным санкциям). URL: [https://www.gov.cn/zhengce/content/202503/content\\_7015400.htm](https://www.gov.cn/zhengce/content/202503/content_7015400.htm) (дата обращения: 18.10.2025).

В законе термин «контрсанкция» тождественен термину «контрмера».

<sup>8</sup> См.: Para. 2. Background brief. Subcommittee to Examine the Implementation in Hong Kong of Resolutions of the United Nations Security Council in relation to Sanctions dated 28 November 2008 (LC Paper No. CB(1)277/08-09). URL: [https://www.legco.gov.hk/yr08-09/english/hc/sub\\_com/hs02/papers/hs021201cb1-277-e.pdf](https://www.legco.gov.hk/yr08-09/english/hc/sub_com/hs02/papers/hs021201cb1-277-e.pdf). P. 1 (accessed date: 08.11.2024).

<sup>9</sup> Принцип «Одна страна – две системы» был предложен в 1980-е годы тогдашним фактическим лидером КНР Дэн Сяопином в качестве основы для мирного воссоединения Тайваня, Гонконга и Макао с КНР. Этот принцип предполагает сосуществование в одном государстве двух разных социально-экономических систем – социалистической (практикуемой в КНР) и капиталистической (действующей в Гонконге, Макао и на Тайване).

власти. Законы КНР, за очень небольшим исключением<sup>10</sup>, на территории САР не действуют (п. 2 ст. 18 ОЗ). Поэтому вышеупомянутые Положения о ПНЛ, Меры противодействия и Закон о контрсанкциях и принимаемые на их основании решения органов государственной власти КНР не имеют юридической силы на территории САР. В августе 2021 г. в Гонконге и Китае шло активное обсуждение вопроса о распространении сферы действия Закона о контрсанкциях (путем включения этого закона в Приложение III к ОЗ) на Гонконг или принятие автономией подобного закона, но, учитывая обеспокоенность делового сообщества Гонконга и иностранного бизнеса, ПК ВСНП решил бессрочно отложить включение Закона о контрсанкциях в Приложение III к ОЗ, а принятие сходного по содержанию закона Гонконга исчезло с повестки дня<sup>11</sup>.

Вместе с тем МИД КНР, внося на основании Закона о контрсанкциях в контрсанкционный перечень физических лиц, зачастую вводит против них запрет на въезд в Китай, включая Гонконг и Макао. Так, в постановлении № 14 МИД КНР от 5 декабря 2024 г. о принятии контрмер против американских военно-промышленных компаний и их высшего управленческого персонала<sup>12</sup> прямо говорится о запрете на выдачу виз и въезд лицам, включенным этим постановлением в контрсанкционный перечень, на территорию КНР, включая Гонконг и Макао<sup>13</sup>. При этом указанное постановление предписывает заморозку всех активов этих лиц на территории КНР без упоминания Гонконга и Макао. Поэтому предписание по заморозке активов таких лиц не распространяется на территории Гонконга и Макао:

эта мера может быть реализована в двух автономиях только на основании соответствующих нормативных правовых актов каждого специального административного района и решений его компетентных судов.

Вводимые Китаем неформальные односторонние ограничительные меры также не распространяются на Гонконг. В ответ на инициативу Австралии провести расследование происхождения и распространения COVID-19 и роли в этом правительства КНР, последнее ввело в конце 2020 г. неофициальный запрет в отношении импорта некоторой австралийской продукции, в том числе живых лангустов (в 2019 г. Китай закупил более 90 % всего экспорта австралийских живых лангустов). На Гонконг исполнение этих неофициальных односторонних ограничительных мер Китая не распространялось, что привело к огромному скачку (порой в 50 раз!) импорта австралийских лангустов в автономию, значительный объем которых контрабандной переправлялся в континентальный Китай<sup>14</sup>.

Хотя санкционная политика относится к сфере внешней политики КНР и, следовательно, центральное правительство Китая имеет исключительную прерогативу в ее формулировании и исполнении, в САР действует собственное санкционное законодательство, принятое Законодательным собранием автономии. В докладах подкомитета Законодательного собрания по изучению исполнения Гонконгом резолюций СБ ООН в отношении санкций (Subcommittee to Examine the Implementation in Hong Kong of Resolutions of the United Nations Security Council

<sup>10</sup> Только в случае включения закона КНР (который должен ограничиваться вопросами внешней политики и обороны) решением ПК ВСНП в содержащийся в Приложении III к ОЗ перечень действующих на территории САР законов КНР и его официального опубликования главой администрации Гонконга юридическая сила такого закона распространяется на территорию автономии (см. п. 2-3 ст. 18 ОЗ).

<sup>11</sup> Chris Lau. Beijing's anti-sanctions law for Hong Kong: why is it being postponed? What do we know and don't know about the delay? – *South China Morning Post*. 21 August 2021.

<sup>12</sup> Guanyu duimeiguo jungong qiye ji gaoji guanli ren yuan caiqu fanzhi cuoshi de jue ding (Постановление о принятии контрмер против американских военно-промышленных компаний и высшего управленческого персонала). URL: [https://www.mfa.gov.cn/wjb\\_673085/zfxxgk\\_674865/gknrlb/fzcqdc/202412/t20241205\\_11538936.shtml](https://www.mfa.gov.cn/wjb_673085/zfxxgk_674865/gknrlb/fzcqdc/202412/t20241205_11538936.shtml) (accessed date: 05.12.2024).

<sup>13</sup> Наоборот, в постановлении № 4 МИД КНР от 23 февраля 2022 г. о принятии контрсанкционных мер в отношении Юй Маочуня и Тодда Стейна запрещается выдача виз и въезд названным в постановлениях гражданам США лишь на территорию КНР без упоминания Гонконга и Макао. См.: Guanyu dui yu maochuntuo desitan en caiqu fan zhicai cuoshi de jue ding (Постановление о принятии контрсанкционных мер в отношении Юй Маочуня и Тодда Стейна). URL: [https://www.mfa.gov.cn/wjb\\_673085/zfxxgk\\_674865/gknrlb/fzcqdc/202212/t20221222\\_10993979.shtml](https://www.mfa.gov.cn/wjb_673085/zfxxgk_674865/gknrlb/fzcqdc/202212/t20221222_10993979.shtml) (accessed date: 05.12.2024).

<sup>14</sup> Ji Siqi and Su-Lin Tan. Mainlanders shell out for smuggled Australian lobsters via Hong Kong. – *South China Morning Post*. 7 July 2021.

in relation to Sanctions) подчеркивалось, что исполнение резолюций СБ ООН является вопросом внешней политики и санкции СБ ООН имеют обязательную силу для Гонконга только после получения им инструкций МИДа КНР по исполнению санкций (см. ниже)<sup>15</sup>.

Базовыми санкционными законами Гонконга являются: (а) закон о санкциях Организации Объединенных Наций<sup>16</sup> (United Nations Sanctions Ordinance) (Закон о санкциях ООН), принятый Временным Законодательным собранием Гонконга 16 июля 1997 г.<sup>17</sup> и вступивший в силу 18 июля 1997 г.; и (б) закон об Организации Объединенных Наций (антитеррористические меры) (United Nations (Anti-Terrorism Measures) Ordinance) (Закон об антитеррористических мерах), принятый Законодательным собранием Гонконга 12 июля 2002 г. и частично вступивший в силу 23 августа 2002 г. (полностью закон вступил в силу 1 января 2011 г.)<sup>18</sup>.

## 2.2. Закон о санкциях ООН

В преамбуле к Закону о санкциях ООН раскрывается его главная цель – введение санкций против лиц и территорий (places) за пределами КНР на основании Главы VII (Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии) Устава ООН и регулирование вопросов, относящихся к указанной цели. Пункт 1 ст. 2 Закона о санкциях ООН дает определение понятию «санкция», под которой понимается полное или частичное экономическое и торговое эмбарго, оружейное эмбарго и другие принудительные меры, принятые СБ ООН против

лица (под которым понимается государственный орган, группа, организация или компания (см.: п. 3 ст. 3 Закона о санкциях ООН)) или территории за пределами КНР. При этом под Китаем понимаются также территории Специального административного района КНР Макао и Тайваня.

Санкции, принимаемые СБ ООН в соответствии с положениями Главы VII Устава ООН и требующие их исполнение Китаем, обязательны для выполнения Гонконгом только в случае получения главой исполнительной власти САР инструкций МИДа КНР<sup>19</sup>.

На основании полученных инструкций МИДа КНР<sup>20</sup> глава администрации Гонконга (после предоставления проекта постановления об исполнении санкций СБ ООН для утверждения центральным правительством<sup>21</sup> и последующих консультаций с Исполнительным советом (Executive Council), конституционным совещательным органом при главе администрации САР) обязан издать постановление об исполнении санкций СБ ООН для имплементации указанных инструкций (п. 1 ст. 3 Закона о санкциях ООН). Эти постановления являются актами делегированного законодательства<sup>22</sup>. В соответствии со ст. 34–35 Закона Гонконга о толковании и общих положениях законодательства (Interpretation and General Clauses Ordinance) от 31 декабря 1966 г. (Закон о толковании), акт делегированного законодательства после его обнародования должен быть представлен Законодательному собранию для его последующего одобрения (если такое одобрение предусмотрено законом – актом первичного

<sup>15</sup> См.: Para 6. Background brief. Subcommittee to Examine the Implementation in Hong Kong of Resolutions of the United Nations Security Council in relation to Sanctions dated 28 November 2008 (LC Paper No. CB(1)277/08-09). URL: [https://www.legco.gov.hk/yr08-09/english/hc/sub\\_com/hs02/papers/hs021201cb1-277-e.pdf](https://www.legco.gov.hk/yr08-09/english/hc/sub_com/hs02/papers/hs021201cb1-277-e.pdf). P. 2. (accessed date: 08.11.2024).

<sup>16</sup> Закон о санкциях ООН был смоделирован на основе британского закона об Организации Объединенных Наций (United Nations Act) от 15 апреля 1946 г. [Walsh 2024:42, 577].

<sup>17</sup> United Nations Sanctions Ordinance. Cap. 537. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap537> (accessed date: 08.11.2024).

<sup>18</sup> United Nations (Anti-Terrorism Measures) Ordinance. Cap. 585. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap585> (accessed date: 08.11.2024).

<sup>19</sup> В соответствии с п. 8 ст. 48 ОЗ глава администрации САР обязан исполнять инструкции/директивы, издаваемые центральным правительством по вопросам, входящим в компетенцию последнего.

<sup>20</sup> Эти инструкции не подлежат обнародованию.

<sup>21</sup> См.: Para. 11. Phase 2 Report of the Subcommittee to Examine the Implementation in Hong Kong of Resolutions of the United Nations Security Council in relation to Sanctions dated 27 June 2008 (LC Paper No. CB(1)2052/07-08). P. 3. URL: [https://www.legco.gov.hk/yr04-05/english/hc/sub\\_com/hs01/reports/hs010702cb1-2052-e.pdf](https://www.legco.gov.hk/yr04-05/english/hc/sub_com/hs01/reports/hs010702cb1-2052-e.pdf) (accessed date: 12.11.2024).

<sup>22</sup> Издание актов делегированного законодательства правительством САР предусмотрено п. 5 ст. 62 ОЗ. В соответствии с п. 2 ст. 56 ОЗ глава администрации Гонконга обязан консультироваться с Исполнительным советом для принятия важных политических решений и актов делегированного законодательства.



законодательства, – на основании которого акт делегированного законодательства был принят) или изменен. Однако п. 5 ст. 3 Закона о санкциях ООН предписывает, что ст. 34–35 Закона о толковании не должны применяться к постановлениям, принимаемым на основании Закона о санкциях ООН. Таким образом, законодательный орган Гонконга лишен возможности влиять на содержание постановлений об исполнении санкций СБ ООН.

Постановления главы администрации Гонконга об исполнении санкций могут вводить уголовную ответственность в виде штрафа и лишения свободы максимум до 7 лет (п. 2–3 ст. 3 Закона о санкциях ООН). Так, п. 3(3) постановления о санкциях ООН (Гаити) (United Nations Sanctions (Haiti) Regulation) от 4 марта 2023 г. вводит наказание за нарушение запрета на продажу и поставку легкого оружия и боеприпасов на Гаити в виде штрафа и лишения свободы на срок от 6 месяцев до 7 лет<sup>23</sup>. Помимо штрафов и лишения свободы, постановления могут предусматривать иные уголовные санкции, например, конфискацию имущества. Автор не нашел в открытом доступе информацию о решениях гонконгских судов о привлечении к ответственности за нарушение Закона о санкциях ООН и принятых на его основании постановлений главы администрации САР.

На момент написания настоящей статьи на основании Закона о санкциях ООН главой администрации Гонконга было принято около 100 постановлений (часть из которых уже утратило юридическую силу), реализующих резолюции СБ ООН о введении санкций.

### 2.3. Закон об антитеррористических мерах

Закон об антитеррористических мерах был принят после получения инструкции центрального правительства Китая<sup>24</sup> с целью исполнения резолюции 1373(2001) СБ ООН о мерах

по предотвращению террористических актов и имплементации Международной конвенции ООН о борьбе с бомбовым терроризмом от 16 декабря 1997 г.; Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, от 10 марта 1988 г. и Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, от 10 марта 1988 г.; реализации рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и реализации резолюции 2178(2014) СБ ООН по предотвращению поездок для совершения террористических актов и подготовки террористов.

Закон об антитеррористических мерах наделяет главу администрации САР правом публиковать в официальном правительственном бюллетене Гонконга уведомления<sup>25</sup>: (а) с именами террористов и пособников террористов, внесенных в санкционный перечень в отношении ИГИЛ (ДАИШ) и Аль-Каиды<sup>26</sup> Комитетом СБ ООН, учрежденном резолюциями 1267(1999), 1989(2011) и 2253(2015) по ИГИЛ (ДАИШ), Аль-Каиде и связанными с ними лицами, группами, предприятиями и организациями; и (б) с утвержденным этим Комитетом СБ ООН перечнем имущества, принадлежащего террористам/их пособникам и используемого в террористических целях (далее – имущество, связанное с терроризмом<sup>27</sup>) (п. 1–3 ст. 4 Закона об антитеррористических мерах). Закон об антитеррористических мерах не предусматривает право лица, признанного террористом или пособником террористов (или владельца имущества, связанного с терроризмом) на основании ст. 4, опротестовать в суд акт властей САР о внесении его имени (имущества) в гонконгский перечень террористов и пособников террористов (перечень имущества, связанного с терроризмом). Кроме того, указанное лицо (имущество) остается в гонконгском перечне террористов

<sup>23</sup> United Nations Sanctions (Haiti) Regulation. Cap. 537CO. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap537CO> (accessed date: 10.11.2024).

<sup>24</sup> См.: Paras. 28, 30. Legislative Council Brief, 7 May 2003 (SBCR 2/16/1476/74). URL: [https://www.legco.gov.hk/yr02-03/english/bills/brief/b51\\_br.pdf](https://www.legco.gov.hk/yr02-03/english/bills/brief/b51_br.pdf) (accessed date: 15.11.2024).

<sup>25</sup> Указанные уведомления не являются актами делегированного законодательства (п. 4 ст. 4 Закона об антитеррористических мерах). Таким образом, рассмотренные выше положения ст. 34–35 Закона о толковании не распространяются на эти уведомления и они не подлежат рассмотрению Законодательным собранием Гонконга.

<sup>26</sup> Движения ИГИЛ (ДАИШ) и Аль-Каида признаны террористическими организациями и запрещены в России.

<sup>27</sup> В Законе об антитеррористических мерах используется термин “terrorist property”.

и пособников террористов (перечне имущества, связанного с терроризмом) до тех пор, пока вышеназванный Комитет СБ ООН не исключит его (имущество) из санкционного перечня в отношении ИГИЛ (ДАИШ) и Аль-Каиды (п. 6 ст. 4 Закона об антитеррористических мерах)<sup>28</sup>.

Глава администрации САР наделен п. 1 ст. 5 Закона об антитеррористических мерах правом обращаться с ходатайством<sup>29</sup> в Суд первой инстанции (Court of First Instance) (СПИ) для вынесения постановления (order), объявляющего (specifying) лицо террористом, или пособником террористов, или имущество как связанное с терроризмом, в случае, если суд удовлетворится предоставленными доказательствами (причем постановление суда сохраняет свою законную силу в течение двух лет со дня его официального опубликования, если оно не отменено ранее СПИ по ходатайству главы администрации в соответствии с п. 5 ст. 5 Закона об антитеррористических мерах). После вынесения постановления СПИ глава администрации САР должен опубликовать его в официальном правительственном бюллетене Гонконга (п. 1-3 и 8 ст. 5 Закона об антитеррористических мерах). В отличие от лиц, признанных террористами или их пособниками на основании ст. 4 Закона об антитеррористических мерах, лицо, объявленное террористом/пособником террористов, или лицо, чье имущество признано связанным с терроризмом, на основании ст. 5 этого закона, имеет право опротестовать в СПИ такое решение властей САР и требовать компенсации

от правительства Гонконга (ст. 17 и 18 Закон об антитеррористических мерах). Поиск в официальных правительственных бюллетенях Гонконга за период с 1 января 2015 г. по 31 октября 2025 г. не выявил ни одного опубликованного постановления СПИ, вынесенного на основании п. 2 ст. 5 Закона об антитеррористических мерах.

#### **2.4. Гонконг и односторонние ограничительные меры**

В Гонконге отсутствует законодательный механизм для введения и исполнения односторонних ограничительных мер или контрмер, даже если иностранные государства вводят односторонние ограничительные меры против Гонконга. Только центральное правительство КНР обладает правом вводить контрмеры в ответ на односторонние ограничительные меры иностранных государств против САР или его официальных лиц<sup>30</sup>. Это многократно и последовательно подчеркивали высшие сановники правительства САР. Например, нынешний глава администрации Гонконга Джон Ли, отвергая требования посетившего мегаполис в августе 2024 г. тогдашнего украинского министра иностранных дел Дмитрия Кулебы пресечь деятельность российского бизнеса в САР, ответил, что Гонконг исполняет исключительно санкции СБ ООН<sup>31</sup>. Соединенные Штаты на протяжении многих лет обвиняют Гонконг в содействии КНДР и России в обходе американских односторонних ограничительных мер и оказывают постоянное

<sup>28</sup> После исключения лица (имущества) Комитетом СБ ООН из санкционного перечня в отношении ИГИЛ (ДАИШ) и Аль-Каиды, глава администрации Гонконга обязан как можно скорее опубликовать в информационных целях уведомление в официальном правительственном бюллетене Гонконга о том, что первоначальное уведомление (в той части, в которой оно вносило такое лицо (имущество) в гонконгский перечень террористов и пособников террористов (перечень имущества, связанного с терроризмом)) потеряло юридическую силу (п. 6(d) ст. 4 Закона об антитеррористических мерах).

<sup>29</sup> Уэйн Уолш считает, что, хотя ст. 5 Закона об антитеррористических мерах не предполагает консультаций главы администрации САР с центральным правительством по поводу объявления лица террористом или пособником террористов, такие консультации вероятны ввиду возможного присутствия международно-политических факторов [Walsh 2024:571].

<sup>30</sup> В ответ на введенные 7 августа 2020 г. Соединенными Штатами односторонние ограничительные меры против 11 гонконгских государственных деятелей (См.: Treasury Sanctions Individuals for Undermining Hong Kong's Autonomy. – U.S. Department of Treasury. Press Release. 7 August 2020. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1088> (accessed date: 02.03.2025)) МИД КНР объявило 10 августа 2020 г. о контрмерах (правда, содержание этих контрмер не раскрывалось) в отношении 11 американских конгрессменов (в том числе против в то время сенатора, а сейчас государственного секретаря США Марко Рубио) и представителей спонсируемых правительством США неправительственных организаций. См.: Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on 10 August 2020. URL: [https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/lxjzh/202405/t02040530\\_11346856.html](https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/lxjzh/202405/t02040530_11346856.html) (accessed date: 01.03.2025).

<sup>31</sup> Ukraine Foreign Minister Dmytro Kuleba warns of Russia using Hong Kong to bypass sanctions while in city. – *Hong Kong Free Press*. 26 July 2024. URL: <https://hongkongfp.com/2024/07/26/ukraine-foreign-minister-dmytro-kuleba-warns-of-russia-using-hong-kong-to-bypass-sanctions-while-in-city/> (дата обращения: 12.12.2024).

давление на правительство САР не потворствовать такому обходу, внося в перечень специально назначенных граждан и заблокированных лиц Управления по контролю за иностранными активами США зарегистрированные в Гонконге компании, а американские конгрессмены призывают Министерство финансов США пересмотреть отношения с гонконгскими банками (т.е. угрожают возможностью введения вторичных финансовых ограничительных мер против гонконгских банков)<sup>32</sup>.

Итак, официально Гонконг не вводит собственные односторонние ограничительные меры или контрмеры и не исполняет односторонние ограничительные меры третьих стран<sup>33</sup>. Однако у односторонних ограничительных мер США и других государств Запада существует неофициальный аспект, который учитывают как центральное правительство КНР, так и администрация САР, а также частные лица, работающие в открытой внешнему миру экономике Гонконга. Этот неофициальный аспект отражает геополитическую реальность, в которой живет Гонконг, экономически теснейшим образом привязанный к континентальному Китаю и продолжающий плотную с ним интеграцию и одновременно исторически близко связанный деловыми узами со странами Запада. Поэтому и правительство автономии, и гонконгский частный бизнес не могут игнорировать односторонние ограничительные меры, вводимые Западом против третьих государств. Это особо касается частных финансовых институтов Гонконга, как местных, так китайских, так и иностранных, инкорпорированных за пределами автономии, но имеющих в ней существенное присутствие (например, британский банк HSBC или американский Citibank). Два из крупнейших

банков САР, являющиеся также эмитентами валюты территории, – HSBC и Standard Chartered (которые в свое время подвергались штрафам американских властей за нарушение вторичных ограничительных мер США), – перенесли свои подразделения по выполнению международных санкций в Нью-Йорк и «добровольно» подчинили себя американскому режиму ограничительных мер [Sun 2021:330-331]. Местные гонконгские банки и действующие в мегаполисе китайские банки имеют представительства и филиалы в США и корреспондентские отношения с американскими банками, а расчеты в американских долларах занимают значительную долю бизнеса гонконгских и китайских банков, а посему любые односторонние ограничительные меры США против этих банков могут угрожать их существованию. Этот факт признает Денежно-кредитное управление (фактический центральный банк) Гонконга (Hong Kong Monetary Authority) и юридически обязывает финансовые институты принимать во внимание односторонние ограничительные меры (это прежде всего США и ЕС), которые могут повлиять на их операции, оценить риски и принять необходимые меры<sup>34</sup>. Иными словами, Денежно-кредитное управление Гонконга требует от работающих в автономии финансовых институтов выполнение иностранных (читай: американских и европейских) односторонних ограничительных мер.

Любопытным примером удушающего воздействия самой возможности применения американских вторичных ограничительных мер к гонконгским банкам стало откровение бывшего главы администрации Гонконга Чжэн Юэя (Кэрри Лам Чен Ютнго, Carrie Lam Cheng Yuet-ngor), что после внесения ее в августе 2020 г. в перечень специально назначенных граждан

<sup>32</sup> Edith Lin, Jess Ma. Hong Kong slams 'malicious slander' by US lawmakers over money-laundering claims. – *South China Morning Post*. 26 November 2024.

<sup>33</sup> Существует мнение, что Гонконг, будучи отдельной таможенной территорией (п. 1 ст. 116 ОЗ), может вводить в ответ на односторонние дискриминационные торговые меры третьих стран тарифные и нетарифные барьеры, но в этом случае САР действовал бы вопреки ст. 114 и 115 ОЗ, закрепляющие статус автономии как свободного порта, ограничивающие ее право вводить таможенные тарифы и требующие обеспечивать свободную торговлю и свободное движение товаров, нематериальных активов и капитала. Примечательно, что даже в отношении введенных США в апреле 2025 г. кратковременных заоблачных тарифов на товары из КНР, которые в равной степени распространялись на товары из Гонконга, последний отказался от ответных тарифов на американские товары (хотя Китай ввел высокие таможенные пошлины на американские товары).

<sup>34</sup> См.: пар. 6.11 Руководства Денежно-кредитного управления Гонконга для уполномоченных организаций [банков] по предотвращению отмывания денег и финансирования терроризма (Guideline on Anti-Money Laundering and Counter-Financing of Terrorism (For Authorized Institutions) (Revised May 2023)). URL: [https://www.hkma.gov.hk/media/eng/doc/key-information/guidelines-and-circular/guideline/Guideline\\_on\\_AML-CFT\\_\(for\\_AIs\)\\_eng\\_May%202023.pdf](https://www.hkma.gov.hk/media/eng/doc/key-information/guidelines-and-circular/guideline/Guideline_on_AML-CFT_(for_AIs)_eng_May%202023.pdf) (accessed date: 28.12.2024). См. также: [Sun 2021:326-327, 329-330, 338-339].

и заблокированных лиц властями США (а это чревато тем, что любые финансовые институты, предоставляющие услуги лицам, подвергнутым американским односторонним ограничительным мерам, могут сами стать жертвами таких же мер), все банки прекратили отношения с ней, и она получала свою зарплату (5,2 млн гонконгских долл. (670 тыс. долл. США) в год) наличными<sup>35</sup>. Сам факт такого заявления свидетельствует о том, что внесение даже главы администрации Гонконга в перечень специально назначенных граждан и заблокированных лиц США представляет серьезную угрозу деятельности банкам, обслуживающим внесенного в такой список клиента. По сути, складывается парадоксальная ситуация, когда гонконгские и китайские банки вынуждены исполнять анти-гонконгские ограничительные меры США. При этом банки оказываются в труднопреодолимом конфликте между угрозой внесения их в американский перечень специально назначенных граждан и заблокированных лиц и потенциальным нарушением ими ст. 29(4) закона КНР о национальной безопасности в отношении Гонконга от 30 июня 2020 г., предусматривающей уголовную ответственность за получение (прямо или косвенно) инструкций от иностранного правительства, организации или физического лица по введению односторонних ограничительных мер против САР или КНР [Walsh 2024:706-707]. Но проблема на этом не заканчивается: из-за опасений оказаться в перечнях лиц, подвергнутых односторонним ограничительным мерам стран Запада, действующие в Гонконге банки проявляют чрезмерную предусмотрительность, полностью отказывая в предоставлении услуг или ограничивая спектр услуг клиентам, являющихся гражданами или юридическими лицами стран, которые государства Запада обложили односторонними ограничительными мерами. Так, один из старейших и крупнейших банков Гонконга HSBC приостановил с апреля 2022 г. предоставление некоторых услуг по инвестиционным счетам граждан России<sup>36</sup>. Более того, опасения банков стать объектом западных ограничительных мер не заканчиваются ограничением или полным прекращением по инициативе

банков отношений с физическими и юридическими лицами стран, оказавшихся под жестким давлением стран Запада (безотносительно к тому, подпадают ли такие лица под западные индивидуальные или секторальные ограничительные меры), но и заставляют небанковские организации Гонконга пересматривать или разрывать деловые отношения с этими лицами ввиду риска прекращения банками отношений с гонконгской компанией в случае установления факта деловых связей такой компании с вышеупомянутыми лицами (как в настоящем, так даже и в прошлом), т.е. предприниматели автономии действуют превентивно в отношении возможного дальнейшего ужесточения и эскалации односторонних ограничительных мер и обезопасив себя от рисков разбирательств с иностранными государственными органами, надзирающими за исполнением односторонних ограничительных мер [Beaucillon 2021:13, 14; Breen 2021:257, 261-262].

### 3. Заключение

Политика Гонконга в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер ведома политикой КНР в этой сфере, что, естественно, отражает природу отношений между Пекином как сувереном, ответственным за внешнюю политику страны, и Гонконгом как автономным образованием в рамках унитарного китайского государства. Базовым фактором, определяющим политику Китая и Гонконга в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер, является официальное признание и исполнение только санкций СБ ООН, законность принятия контрмер в ответ на делинквентное поведение третьих стран и формальное и риторическое неприятие односторонних ограничительных мер. Гонконг исполняет санкции СБ ООН исключительно по предписанию МИДа КНР (но на основании собственной нормативной правовой базы), что демонстрирует неоспоримый примат Пекина в сфере внешней политики. Все же, несмотря на однородность принципиального подхода к санкциям, контрмерам и односторонним ограничительным

<sup>35</sup> Primrose Riordan and Nicolle Liu. Hong Kong's leader has 'piles of cash' at home after US sanctions. – *The Financial Times*. 29 November 2020.

<sup>36</sup> Jess Ma. Russians lose access to some banking services in Hong Kong due to Western sanctions. – *South China Morning Post*. 15 October 2022.



мерам центрального правительства Китая и Гонконга, последний обладает определенными особенностями. Во-первых, Гонконг, будучи административно-территориальной единицей Китая, не вводит контрмеры против суверенных государств, если последние вводят односторонние ограничительные меры против автономии или ее официальных лиц (это всецело прерогатива центрального правительства). Во-вторых, принимаемые КНР законы против односторонних ограничительных мер иностранных государств (до тех пор, пока они не включены в Приложение III к ОЗ) и иные нормативные правовые акты не распространяют свою юридическую силу на Гонконг. В-третьих, вводимые Китаем контрмеры на основании соответствующих нормативных правовых актов, а также неофициальные запреты, не имеют обязательной силы в Гонконге, за исключением случаев запрета на въезд в автономию конкретных лиц, являющихся объектами таких контрмер. В-четвертых, многие гонконгские компании, имеющие устойчивые многолетние торгово-экономические связи

с западными контрагентами, и прежде всего работающие на территории САР местные, китайские и иностранные банки и иные финансовые организации, не только фактически исполняют односторонние ограничительные меры стран Запада, прежде всего США и ЕС, но и, по сути, юридически обязываются Денежно-кредитным управлением Гонконга придерживаться этих односторонних ограничительных мер. До тех пор, пока Россия находится под прессом всеохватывающих односторонних ограничительных мер стран Запада, для российских предпринимателей Гонконг является и будет оставаться трудной площадкой для ведения бизнеса, главным образом из-за колоссальных проблем с открытием и поддержанием счетов в банках, действующих на территории автономии, а также крайней и даже избыточной осторожностью многих местных компаний и предпринимателей к сделкам с гражданами и юридическими лицами тех стран, которые находятся под мощным давлением западных односторонних ограничительных мер.

### Список литературы

1. Бакулина П.В., Кузьмина К.А. 2021. Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика. – *Финансовый журнал*. Т. 13. № 4. С. 24-38.
2. Галиев Р.С. 2019. Международно-правовой анализ соотношения категорий санкции, контрмеры и односторонние экономические меры. – *Вестник экономической безопасности*. № 3. С. 239-243.
3. Иванова Е.М. 2016. Проблема санкций в международном праве: терминологический аспект. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 181-187.
4. Иванова Е.М. 2018. Проблема применения «односторонних санкций» в современном международном праве. – *Российский внешнеэкономический вестник*. № 5. С. 127-134.
5. Карасев Д.Ю. 2025. Ответные ограничительные меры Китая в условиях санкционного противостояния. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 25. No. 3. С. 485-504.
6. Касымалиева А.К. 2023. Концептуализация понятий в анализе. «санкционного» противостояния глобальных геополитических акторов. – *Вестник КРСУ*. Т. 23. № 11. С. 173-179.
7. Пятибратов И.С. 2020. Санкции и односторонние ограничительные меры: проблема различия терминов и тождественности явлений. – *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 6 (10). С. 61-65.
8. Чак А.В. 2022. Односторонние принудительные меры в доктрине современного международного права. – *Вестник университета*. № 7. С. 30-36.
9. Andresen J. 2024. *The Lawfulness of Unilateral Sanctions in the Wake of a US – China “Sanctions War”*. 30 p. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12140-024-09429-9.pdf> (дата обращения: 16.02.2025).
10. Beaucillon C. 2021. An introduction to unilateral and extraterritorial sanctions: definitions, state of practice and contemporary challenges. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. P. 1-17.
11. Breen E. 2021. Corporations and US economic sanctions: the dangers of overcompliance. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. P. 256-269.
12. Cai C.Y. 2021. China's position and practice concerning unilateral sanctions. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. P. 70-89.
13. Chen Zh., Wei Q.Sh. 2023. “Fan waiguo zhicai fa” shishi zhong de falu wenti yu wanshan [Legal Issues and Improvements in the Implementation of the Anti-Foreign Sanctions Law]. – *Wuda guojifa pinglun [Wuhan University International Law Review]*. Issue 5. P. 60-80. (In Chinese)
14. Chen M. 2022. Dan bian jingji zhicai he fan zhicai de fall guizhi – jian ping “fan waiguo zhicai fa” [Legal Regulation of Unilateral Economic Sanctions and Counter-Sanctions: Comment on the Anti-Foreign Sanctions Law]. – *Jingmao falu pinglun [Economic and Trade Law Review]*. Issue 4. P. 1-16. (In Chinese)
15. Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. 2018. *China's Use of Coercive Economic Measures*. 58 p. URL: [https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China\\_Use.pdf](https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use.pdf) (дата обращения: 09.02.2025).
16. Ma G.A., Mao Q.Y. 2023. Dan bian zhicai yu zu duan lifa xia zhongguo qiye de he gui kunjing yu yingdui ce

- lue [Compliance Dilemma and Coping Strategies for Chinese Enterprises under Unilateral Sanctions and Blocking Legislation]. – *Wuda guojifa pinglun [Wuhan University International Law Review]*. Issue 2. P. 17-35. (In Chinese)
17. Poh A. 2020. *Sanctions with Chinese Characteristics: Rhetoric and Restraint in China's Diplomacy*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 372 p.
  18. Rennemo A. 2021. How China Joined the Sanctions Game. URL: <https://thedi diplomat.com/2021/02/how-china-joined-the-sanctions-game/> (accessed date: 02.03.2025).
  19. Sun J. 2021. International bank settlement in China and unilateral sanctions-related disputes: sources, remedies and procedures. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. P. 323-341.
  20. Walsh W. 2024. *Cross-Border Crime in Hong Kong: Extradition, Mutual Assistance, Financial Sanctions*. 3rd ed. Hong Kong: LexisNexis. 945 p.
  21. Xing J.Y., Li M.J. 2023. Moving to Formality and Openness? An Analysis of China's New Two-Tiered Sanctions Policy. – *The China Review*. Vol. 23. No. 1. P. 377–406.
  22. Xiong Y.Y. 2025. Legality, Legitimacy and Institutionalization: China's Dilemma of Sanctions and Economic Coercion. – *Journal of Contemporary China*. Vol. 34. Issue 152. P. 181-197.
  23. Yu W.J. 2021. China's Emerging Unilateral Sanctions: Heading towards the Rule of Law? – *The Chinese Journal of Comparative Law*. Vol. 9. No. 3. P. 359-386.
  24. Zhang B.B. 2021. A Critical Evaluation of China's New Blocking Statute against Unfair Extraterritoriality. – *Hong Kong Law Journal*. Vol. 51. Part 2. P. 775-800.
  25. Zhao D.M. 2024. *Contemporary Export Control Law of China*. Singapore: Springer. 265 p.
  26. Zu W.T. 2024. Mei xifang jingji zhicai xiaoli kunjing xia de zhongguo shewai fazhi huiying [China's foreign rule of law response to the dilemma of the effectiveness of US and Western economic sanctions]. – *Caijing faxue [Law and Economy]*. Issue 1. P. 175-192. (In Chinese)
  5. Cai C.Y. China's position and practice concerning unilateral sanctions. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. 2021. P. 70-89.
  6. Chuck A.V. Odnostoronnie prinuditelnye mery v doctrine sovremennogo mezhdunarodnogo prava [Unilateral coercive measures in the doctrine of modern international law]. – *Vestnik universiteta [University Bulletin]*. 2022. № 7. C. 30-36.
  7. Chen Zh., Wei Q.Sh. "Fan waiguo zhicai fa" shishi zhong de falu wenti yu wanshan [Legal Issues and Improvements in the Implementation of the Anti-Foreign Sanctions Law]. – *Wuda guojifa pinglun [Wuhan University International Law Review]*. 2023. Issue 5. P. 60-80. (In Chinese)
  8. Chen M. Dan bian jingji zhicai he fan zhicai de fall guizhi – jian ping "fan waiguo zhicai fa" [Legal Regulation of Unilateral Economic Sanctions and Counter-Sanctions: Comment on the Anti-Foreign Sanctions Law]. – *Jingmao falu pinglun [Economic and Trade Law Review]*. 2022. Issue 4. P. 1-16 (In Chinese).
  9. Galiev R.S. Mezhdunarodno-pravovoi analiz sootnosheniya kategorii sanktsii, kontrmery i odnostoronniye ekonomicheskiye mery [International legal analysis of the ratio of categories of sanctions, countermeasures and unilateral economic measures]. – *Vestnik Ekonomicheskoi Bezopasnosti [Bulletin of Economic Security]*. 2019. № 3. P. 239-243. (In Russ.)
  10. Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. *China's Use of Coercive Economic Measures*. 2018. 58 p. URL: [https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China\\_Use.pdf](https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use.pdf) (accessed date: 09.02.2025).
  11. Ivanova E.M. Problema sanktsii v mezhdunarodnom prave; terminologicheskii aspekt [The Problem of Sanctions in International Law: Aspect of Terminology]. – *Moskovskii Zhurnal Mezhdunarodnogo Prava [Moscow Journal of International Law]*. 2016. № 2. P. 181-187. (In Russ.)
  12. Ivanova E.M. Problema primeneniya "odnostoronnikh sanktsii" v sovremenom mezhdunarodnom prave [Application problem of "unilateral sanctions" in modern international law]. – *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*. 2018. № 5. P. 127-134. (In Russ.)
  13. Karasev D.Yu. Otvetye ogranichitelnye mery Kitaya v usloviyakh sanktsionnogo protivostoyaniya [China's retaliatory measures in the context of the sanctions confrontation]. – *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik RUDN. International Relations]*. 2025. Vol. 25. № 3. P. 485-504.
  14. Kasymalieva A.K. Kontseptualizatsiya ponyatii v analize "sanktsionnogo" protivostoyaniya globalnykh geopoliticheskikh aktorov [Conceptualization of Concepts in the Analysis of "Sanction" Confusion of Global Geopolitical Actors]. – *Vestnik KRSU [Herald of KRSU]*. 2023. Vol. 23. № 11. C. 173-179. (In Russ.)
  15. Ma G.A., Mao Q.Y. Dan bian zhicai yu zu duan lifa xia zhongguo qiye de he gui kunjing yu yingdui celue [Compliance Dilemma and Coping Strategies for Chinese Enterprises under Unilateral Sanctions and Blocking Legislation]. – *Wuda guojifa pinglun [Wuhan University International Law Review]*. 2023. Issue 2. P. 17-35. (In Chinese)
  16. Poh A. *Sanctions with Chinese Characteristics: Rhetoric and Restraint in China's Diplomacy*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 2020. 372 p.

## References

1. Andresen J. *The Lawfulness of Unilateral Sanctions in the Wake of a US – China "Sanctions War"*. 2024. 30 p. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12140-024-09429-9.pdf> (accessed date: 16.02.2025).
2. Bakulina P.V., Kuzmina K.A. Politika ekonomicheskikh sanktsii KNR: pravovoe regulirovaniye i pravoprimenitel'naya praktika [China's Policy of Economic Sanctions: Legislation and Enforcement]. – *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*. 2021. Vol. 13. № 4. P. 24-38. (In Russ.)
3. Beaucillon C. An introduction to unilateral and extraterritorial sanctions: definitions, state of practice and contemporary challenges. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. 2021. P. 1-17.
4. Breen E. Corporations and US economic sanctions: the dangers of overcompliance. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. 2021. P. 256-269.

17. Pyatibratov I.S. Sanktsii i odnostoronniye ogranichitel'nye mery: problema razlichiya i tozhdestvennosti yavleniya [Sanctions and unilateral restrictive measures: The problem of differences in terms and identity of phenomena]. – *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]*. 2020. № 6 (10). P. 61-65. (In Russ.)
18. Rennemo A. How China Joined the Sanctions Game. 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/02/how-china-joined-the-sanctions-game/> (accessed date: 02.03.2025).
19. Sun J. International bank settlement in China and unilateral sanctions-related disputes: sources, remedies and procedures. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. 2021. P. 323-341.
20. Walsh W. *Cross-Border Crime in Hong Kong: Extradition, Mutual Assistance, Financial Sanctions*. 3rd ed. Hong Kong: LexisNexis. 2024. 945 p.
21. Xing J.Y., Li M.J. Moving to Formality and Openness? An Analysis of China's New Two-Tiered Sanctions Policy. – *The China Review*. 2023. Vol. 23. No. 1. P. 377-406.
22. Xiong Y.Y. Legality, Legitimacy and Institutionalization: China's Dilemma of Sanctions and Economic Coercion. – *Journal of Contemporary China*. 2025. Vol. 34. Issue 152. P. 181-197.
23. Yu W.J. China's Emerging Unilateral Sanctions: Heading towards the Rule of Law? – *The Chinese Journal of Comparative Law*. 2021. Vol. 9. No. 3. P. 359-386.
24. Zhang B.B. A Critical Evaluation of China's New Blocking Statute against Unfair Extraterritoriality. – *Hong Kong Law Journal*. 2021. Vol. 51. Part 2. P. 775-800.
25. Zhao D.M. *Contemporary Export Control Law of China*. Singapore: Springer. 2024. 265 p.
26. Zu W.T. Mei xifang jingji zhicai xiaoli kunjing xia de zhongguo shewai fazhi huiying [China's foreign rule of law response to the dilemma of the effectiveness of US and Western economic sanctions]. – *Caijing faxue [Law and Economy]*. 2024. Issue 1. P. 175-192. (In Chinese)

#### Информация об авторе

##### Николай Викторович ВЕРЕМЕЕВ

Юрисконсульт, Meridian Capital (HK) Limited

18 этаж, Рыкадан Уан, Вонг Чук Ханг Роуд, 23, Гонконг, 999077, Китайская Народная Республика

[nv\\_veremeyev@mail.ru](mailto:nv_veremeyev@mail.ru)

ORCID: 0009-0001-3896-5364

#### About the Author

##### Nikolay V. VEREMEEV

Legal Council, Meridian Capital (HK) Limited

18/F, Rykadan One, 23 Wong Chuk Hang Road, Hong Kong, People's Republic of China, 999077

[nv\\_veremeyev@mail.ru](mailto:nv_veremeyev@mail.ru)

ORCID: 0009-0001-3896-5364